

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).

Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.111'42+811.111'38+811.111'373+81'27

ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш143.21-3+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.47

Код ВАК 5.9.8

Юлия Николаевна Качанова

Военный университет им. князя А. Невского, Москва, Россия, research2021@mail.ru

Американские военно-политические неологизмы, относящиеся к иракскому и украинскому конфликтам, как элемент информационно-психологической войны

АННОТАЦИЯ. Вербальная природа информационной войны обуславливает особую роль лингвистического творчества как одного из ключевых инструментов ее ведения. На примере иракского и украинского конфликтов представляется возможным выявить сходные тактики информационно-психологического воздействия, применяемые Соединенными Штатами. Объектом научного исследования избран военно-политический дискурс в аспекте вербального компонента гибридной агрессии. Предметную область исследования составляют номинативные единицы, демонстрирующие феномен неологизации в контексте американо-иракского конфликта (2003–2011 гг.) и специальной военной операции на Украине (2022 — наст. вр.). Исследование проведено на материале американской качественной прессы и сетевого военного форума на платформе «Reddit.com». Целью работы ставится анализ прагматического потенциала неологизмов. Рассмотренные лексемы исходили от политических деятелей и распространялись через средства массовой информации; они отличались эмоциональной насыщенностью, лаконичностью и яркостью, что обеспечивало их высокую привлекательность для медиа. Военно-политические неологизмы нередко выступают в роли готовых семантических ярлыков, не требующих от реципиента критического анализа и упрощающих сложные геополитические реалии до моментально понимаемых адресатом конструкций. Также они могут служить эффективным инструментом формирования групповой идентичности и сплочения собственной аудитории. Это еще раз подтверждает утверждение о богатом опыте США в ведении информационной войны, в том числе против собственного населения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: военно-политический дискурс, военно-политические неологизмы, информационно-психологическая война, лексика информационной войны, политическая конфликтология, военные конфликты, американо-иракский конфликт, СВО, специальная военная операция, российско-украинский конфликт, вербальная манипуляция, медиадискурс, медиатексты, средства массовой информации, американские СМИ, язык СМИ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Качанова Юлия Николаевна, соискатель 32 кафедры (английского языка (основного)), Военный университет им. князя А. Невского, Москва, Россия, email: research2021@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Качанова, Ю. Н. Американские военно-политические неологизмы, относящиеся к иракскому и украинскому конфликтам, как элемент информационно-психологической войны / Ю. Н. Качанова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 76-82.

Yuliya N. Kachanova

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia, research2021@mail.ru

American Military-Political Neologisms in the Iraqi and Ukrainian Conflicts as an Element of Information and Psychological Warfare

ABSTRACT. The verbal nature of information and psychological warfare determines the special role of linguistic creativity as one of the key tools of its conduct. Using the example of the Iraqi and Ukrainian conflicts, it seems possible to identify similar tactics of informational-psychological influence used by the United States. The scope of this research embraces military-political discourse as the verbal component of hybrid aggression. The object of the study encompasses nominative units demonstrating the phenomenon of neologization in the context of the U.S.-Iraqi conflict (2003-2011) and the special military operation in Ukraine (2022 — present). The study has been carried out on the material of the American quality press and the online military forum on the platform "Reddit.com". The aim of the work is to analyze the pragmatic potential of neologisms. The lexemes under consideration were used by political figures and were publicized through the media. They were distinguished by their emotional richness, conciseness and vividness, which ensures their high media frequency. Military-political neologisms often act as ready-made semantic labels that do not require critical analysis from the recipient and simplify complex geopolitical realities to instantly understandable constructions. They can also serve as an effective tool for forming group identity and consolidating their own audience. This once again confirms the idea about the rich experience of the United States in conducting information and psychological warfare, including against their own population.

KEYWORDS: military-political discourse, military-political neologisms, information and psychological warfare, vocabulary of information warfare, political conflictology, military conflicts, U.S.-Iraqi conflict, SMO, special military operation, Russia-Ukraine conflict, verbal manipulation, media discourse, media texts, mass media, American media, mass media language.

AUTHOR'S INFORMATION: *Kachanova Yuliya Nikolaevna, Degree Applicant of Department 32 (English as the First Foreign Language), Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Kachanova Yu. N. (2026). American Military-Political Neologisms in the Iraqi and Ukrainian Conflicts as an Element of Information and Psychological Warfare. In Political Linguistics. No 3 (117), pp. 76-82. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Информационные войны — неотъемлемая составляющая политических коммуникаций в 21 веке. Современные вооруженные конфликты ведутся не только с применением военной силы, но и посредством информационно-психологического воздействия на противника. На государственном уровне реализуется комплекс мер, направленных на достижение превосходства в ментальной сфере. Благодаря развитию цифровых технологий, глобализации медиaprостранства и доступности средств массовой информации эффективность информационных операций существенно возросла. Завоевание территории или осуществление политического переворота стало возможным изнутри за счет манипуляции когнитивными процессами и, как следствие, поведением объекта манипулятивного воздействия. Мы в полной мере разделяем точку зрения Г. Г. Почепцова о том, что информационная война «занимает сегодня центральное место в политике, экономике и военном деле» [Почепцов 2015: 35]. Л. Н. Синельникова подчеркивает, что «в активной фазе политического противоборства система информации организуется таким образом, чтобы не просто влиять на мнения, эмоции и поведение людей, но и оказывать на них мощное психологическое воздействие» [Синельникова 2014: 97]. Стратегия информационно-психологической войны (далее также — ИПВ), применяемая США, нередко характеризуется как «умная сила» (smart power), сочетающая элементы «мягкой» [Nye 2009] и «жесткой» силы [Al Taie 2016]. Таким образом, информационная война представляет собой актуальный, но до конца не изученный феномен современной геополитики.

В ходе ИПВ широко используются «методы несилового воздействия, различные приемы пропаганды, запугивания и дезинформации» [Гаврилов, Зарипов 2023: 119]. Учитывая вербальную сущность информационного противоборства, неудивительно, что оно закономерно становится источником возникновения военно-политических неологизмов. Именно посредством ярких, эмоционально окрашенных и многократно реплицируемых в медиaprостранстве новых лексем американские власти осуществляли целенаправленное воздействие на целевые аудитории. В рамках настоящего исследования

проведен сравнительный анализ военно-политических неологизмов, возникших в период американо-иракского конфликта (2003—2011 гг.) США и российско-украинского конфликта, получившего широкое освещение не только в американской, но и мировой прессе.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Сопоставительный анализ информационно-психологических операций США в Ираке и на Украине позволяет выделить общую функциональную парадигму неологизмов. В обоих случаях новые номинативные единицы использовались как лингвистический инструмент для решения сходных задач: завоевать информационное пространство, обеспечить непрерывность трансляции нарративов, выгодных субъекту агрессии; легитимизировать действия агрессора (прогрессивные идеалы демократии, всеобщее благо западного мира, национальный интерес и т. п.), сформировать негативный образ противника, деморализовать оппонента, оказать манипулятивное (персуазивно-суггестивное) воздействие на население противника. Подкрепим наши выводы иллюстративным материалом.

Как широко известно, одним из ключевых приёмов ИПВ выступает формирование образа внешнего врага. Убедая мировую общественность в существовании угрозы, исходящей от Ирака, Джордж Буш-младший проводил параллели между Саддамом Хусейном и Адольфом Гитлером; политики и журналисты называли иракского лидера «the Butcher of Baghdad» («багдадский мясник») [Latham 2006], акцентируя внимание на его жестокости. В ежегодном обращении к Конгрессу 29 января 2002 г. президент США реанимировал метафорический образ времен Второй мировой войны «Axis of Evil» («Ось зла») в отношении режимов, якобы спонсирующих терроризм. Приводимый неологизм создал идеологическую предпосылку для оправдания военных действий американской коалиции против Ирака. Прагматика положительного дефинирования американских военнослужащих, отмечает А. С. Романов, «достигается за счет демонизации оппонирующей стороны» [Романов, Ангалева 2019: 150]. Еще одной лексемой, получившей широкое распространение в мировых СМИ как повод для ввода американских войск в Ирак, стало выражение «оружие

массового поражения» (Weapon of Mass Destruction, WMD). Беспочвенное обвинение было представлено мировыми СМИ как достоверный факт, став поводом для военной интервенции в Ирак. Свою позицию советник по вопросам национальной безопасности США К. Райс выразила так: «Мы не хотим, чтобы улика (прим. пер.: наличия ОМП в Ираке) предстала в виде грибовидного облака». Американское правительство использовало страх перед гипотетической, но так и не подтвержденной угрозой в качестве аргумента для превентивных военных действий.

В публичных выступлениях президент Дж. Буш неоднократно характеризовал войну в Ираке как «основной фронт в войне с террором», подчеркивая глобальный масштаб проблемы. В связи с этим в политический лексикон вошли термины, связанные с так называемой асимметричной войной: *asymmetric warfare* — «асимметричная война», *asymmetric conflict* — «асимметричный конфликт», *asymmetric tactic* — «асимметричная тактика», *asymmetric threat* — «асимметричная угроза». Неологизмы способствовали легитимации новых форм глобального военного вмешательства.

Аналогичная тактика применялась американской стороной и в ходе украинского конфликта. Как и в случае с Ираком, политические элиты целенаправленно демонизировали образ лидера противоборствующего государства для формирования ощущения угрозы, исходящей от всей нации. За президентом Российской Федерации в СМИ закрепился инвективный неологизм *Putler*, образованный сращением образующих неологизм лексических компонентов *Putin* + *Hitler*. Выбор одной из наиболее одиозных персоналий не случаен [Urbandictionary.com]. Перлокутивный эффект воздействия на адресанта достигается посредством мгновенной шокирующей ассоциации.

В 2024 г. официальные лица США ввели в оборот неологизм “*Axis of Upheaval*” («ось потрясений»/«ось нестабильности») в отношении России, Ирана, Китая и Северной Кореи. Новое понятие расширяет спектр воспринимаемых угроз, включая не только террористические, но и военно-политические, экономические и киберугрозы [Zakaria 2024], используя историческую аналогию времен Второй мировой войны (термином «ось» тогда обозначались Германия, Италия и Япония). Неологизмы редуцируют сложные геополитические реалии до упрощенного, легко воспринимаемого западной аудиторией образа коллективного врага. Образ противника конструируется СМИ не только на уровне государственного руководства, но и на

уровне рядовых граждан. Так, в англоязычном сегменте интернета россиян нередко именуют *Rashists* / *Ruscists*, недвусмысленно намекая на связь внешней политики российского руководства с преступной и антигуманной идеологией фашизма [Urbandictionary.com]. Проведение параллели с фашизмом актуализирует в коллективной памяти реципиента устойчивую когнитивную модель «борьбы добра со злом», сформировавшуюся в период Второй мировой войны.

Еще одним неологизмом, направленным на конструирование образа врага и применяемым для характеристики российских военнослужащих, стала лексема “*Orcs*” («Орки»). Орки, заимствованные из фэнтези-вселенной Дж. Р. Р. Толкина, в массовой западной культуре ассоциируются с безликими, аморальными существами, движимыми исключительно агрессией и слепым повиновением «темному властелину». Таким образом, образ врага может конструироваться как на уровне политических элит (главы государства, органов власти, армии), так и на уровне речевого обихода (демонизация рядового гражданина или военнослужащего).

Деморализация противника представляет собой еще один распространенный прием ИПВ. Период непосредственного вторжения коалиционных сил в Ирак в марте 2003 года характеризовался интенсивным психологическим давлением на иракское население и попытками устрашения вооруженных сил противника. Как отмечает В. В. Бедрань, «психологическое давление осуществлялось посредством демонстрации военной мощи» [Бедрань 2012: 188]. В качестве средства устрашения и демонстрации собственного военного превосходства США применили мощнейшее в мире неядерное оружие, окрещенное западными журналистами как *Mother of All Bombs* (MOAB, «мать всех бомб»). Стилистическая окраска неологизма подчеркивала разрушительную силу американского оружия и была направлена на подавление воли к сопротивлению у иракской стороны. Впоследствии словосочетание-зачин “*Mother of all...*” перекочевало из предметной области военного дела в гражданский лексикон для обозначения чего-либо грандиозного и значимого (Dickson, 2003).

Одной из ключевых целей операции в Ираке являлось устранение руководства страны, что нашло отражение в лексике новостных изданий: *decapitation strike* — «обезглавливающий удар» или *decapitation strategy* — «обезглавливающая стратегия». Приводимый неологизм несет яркую эмоциональную коннотацию, направленную на психологическую дестабилизацию противни-

ка. Кроме того, в начальной фазе конфликта американская сторона применила военную доктрину «Шок и трепет» (*“Shock and Awe”*), целью которой являлось не только физическое, но и психологическое подавление личного состава вооруженных сил Ирака и общества в целом. Несколько отклоняясь от предметной области исследования, отметим, что аналогичная стратегия применяется Вашингтоном и по сей день в отношении неугодных режимов Венесуэлы, Ирана, Северной Кореи.

Тактика деморализации противника прослеживается и в освещении украинского конфликта в американских медиа, однако реализуется несколько иными лингвистическими средствами. В стремлении оказать психологическое давление на российскую общественность, в глобальном информационном пространстве западные СМИ активно культивируют образ несокрушимой украинской армии. Ярким символом данной кампании стало прозвище «киборги», обозначающее негибаемую стойкость, выносливость и отвагу украинских солдат. Этот неологизм возник еще в 2015 г. в ходе боев за донецкий аэропорт. Следует также упомянуть неологизм «Призрак Киева» (*“Ghost of Kyiv”*), появившийся в первые дни украинского конфликта в феврале 2022 г. и получивший широкое распространение в американских СМИ. Мифический образ связан с безымянным летчиком-асом ВСУ, на счету которого якобы десятки сбитых российских самолетов [Beachum 2022].

В американской прессе встречаются ироничные неологизмы *emotional-support armour* — «броня для эмоциональной поддержки» и *core cages* — дополнительный слой импровизированной бронезащиты на российских танках и бронемашинах (от сущ. *core* — *тех.* кожух, карниз, навес) [Chivers 2024]. Приводимые неологизмы регистрируются, например, в онлайн-словаре Urban Dictionary. Номинативные единицы отражают скептицизм в отношении боевой эффективности российской военной техники. Примечательно, что впоследствии эффективность данных конструкций была подтверждена практикой боевых действий. Другой иллюстрацией служит словосочетание *tractor troops* — «тракторные войска», указывающее на непрофессионализм российских военнослужащих и уязвимость бронированных средств через ироничное сопоставление с сельскохозяйственной техникой [Reddit.com].

В. В. Бедрань справедливо указывает на то, что «в основу информационного воздействия на когнитивном уровне были положены базовые американские ценности — борь-

ба за демократию, освобождение народов, угнетенных авторитарными режимами, поддержка свободы воли населения» [Бедрань 2012: 190], а также принципы защиты собственной территории и предотвращения угроз национальной безопасности. На этих идеологических постулатах выстраивалась аргументация проводимой политики США как в иракском конфликте, так и в рамках оказания военной помощи Украине. Американские политики активно использовали эвфемизм *regime change* — «смена режима» для обозначения так называемой либерализации Ирака и установления демократического строя. Джорджу Бушу принадлежит фраза *“freedom deficit”* — «дефицит свободы», указывающая на диктаторские режимы Ближнего Востока. Следует отметить, что доводы американской стороны не нашли единодушной поддержки в международном сообществе. Отказ Франции поддержать военную операцию в Ираке вызвал недовольство американских политиков, что привело к своеобразной лингвистической репрессии. В ряде официальных документов и публичных выступлениях прилагательное «французский» (*French*) было заменено на лексему «свобода» (*freedom*). Логика лексической замены имеет идеологическую основу, поскольку, по мнению американских властей, в Ираке были попорчены свободы и ценности западного мира. Так, словосочетание *French fries* («картофель фри») получило политически ангажированное наименование *Freedom fries* («картофель свободы»).

В контексте украинского конфликта американскую аудиторию также стремятся убедить в том, что США защищают демократические ценности и право угнетенного народа на самоопределение, а также предотвращают будущие угрозы посредством сдерживания агрессора. Данная риторика служит моральным обоснованием для оказания военной и финансовой помощи Украине, а также введения санкций против России. Для выражения негативно-оценочной характеристики действий России в отношении Украины американские СМИ систематически используют такие лексемы, как *annexation* — «аннексия», *occupation* — «оккупация», *intervention* — «интервенция», *invasion* — «вторжение».

В 2022 г. в онлайн-словаре Urban Dictionary появился неологизм *to be Ukrained*. Лексикографический источник предлагает следующую дефиницию: «когда Россия вторгается в страну, а в ответ получает унижение на глобальном форуме» [Urban Dictionary.com, Bloodyblod, 2022]. Неологизм выражает осуждение агрессора на международном уровне за нарушение территориаль-

ной целостности независимого государства. Американские медиа подчеркивали поддержку демократии и свободы на Украине, характеризую события 2014 г. как «Революция достоинства» (Revolution of Dignity) или «Евромайдан» (Euromaidan Revolution) [Verini 2022]. Политический термин «революция», в отличие от «государственного переворота», легитимизирует произошедшие события и ассоциируется у западной аудитории с массовым народным восстанием, борьбой за свободу и справедливость, тем самым оправдывая позицию американских властей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы в полной мере разделяем точку зрения М. Ю. Палажченко о том, что ИПВ ведется и языковыми средствами, «поскольку язык всегда был и остается инструментом политики и политического влияния» [Палажченко 2017]. Конфликты в различные исторические периоды породили многочисленные неологизмы, направленные на легитимацию военных действий, деморализацию противника, укрепление имиджа США. Как правило, лексические новообразования звучат из уст политических деятелей и распространяются через средства массовой коммуникации. Они отличаются эмоциональной насыщенностью, лаконичностью и яркостью, за счет чего обеспечивается их привлекательность для медиа и социальных сетей. Более того, неологизмы могут служить эффективным инструментом формирования групповой идентичности и сплочения собственной аудитории. Таким образом, утверждение о том, что «в США накоплен богатый опыт ведения информационной войны, в том числе в отношении собственного населения», представляется обоснованным [Кунакова 2012: 93].

Проведенное исследование подводит нас к следующим выводам.

1. Информационно-психологическая война является неотъемлемой частью современных политических коммуникаций, где вербальные инструменты (в частности, военно-политические неологизмы) используются для достижения превосходства в ментальной сфере наравне с военной силой. Язык оказывает мощное воздействие на мнения, эмоции и поведение людей.

2. Сравнительный анализ конфликтов в Ираке и на Украине выявляет общую стратегию США: новые номинативные единицы применяются как лингвистический инструмент для завоевания информационного пространства, легитимизации действий и непрерывной трансляции выгодных агрессору нарративов.

3. Ключевым приемом ИПВ является демонизация противника через яркие лексемы и исторические аналогии, что позволяет редуцировать сложные геополитические реалии до упрощенного образа коллективного зла и создать идеологическую предпосылку для военного вмешательства.

4. Специфическая лексика используется для подавления воли противника и одновременно для мифологизации собственных сил или союзников, а также для ироничного обесценивания военных возможностей оппонента.

5. Военно-политические неологизмы служат эффективным средством манипуляции общественным мнением и формирования групповой идентичности, закрепляя идеологические постулаты и выступая в роли готовых семантических ярлыков, не требующих от реципиента критического анализа.

ИСТОЧНИКИ

1. Al Taie, S. The 2003 War in Iraq. Purposes and Motivations — an analytical view. — 2016. — URL: https://www.researchgate.net/publication/304305299_The_2003_War_on_Iraq_Purposes_and_Motivations_An_Analytical_View (date of access: 11.02.2026).
2. Beachum, L. The ‘Ghost of Kyiv’ was never alive, Ukrainian air force says // Washington Post. — 2022. — URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/05/01/ghost-of-kyiv-propaganda/> (date of access: 11.02.2026).
3. Chivers, C. J. Drones weapons Ukraine war // The New York Times. — 2024. — URL: <https://www.nytimes.com/2024/12/31/magazine/drones-weapons-ukraine-war.html> (date of access: 10.02.2026).
4. Latham, N. Saddam is the king of swing: bye-bye to butcher of Baghdad as diabolical dictator is hanged before dawn to delight of oppressed Iraqis // New York Post. — 2006. — URL: <https://nypost.com/2006/12/30/saddam-is-the-king-of-swing-bye-bye-to-butcher-of-baghdad-as-diabolical-dictatoris-hanged-before-dawn-to-delight-of-oppressed-iraqis/> (date of access: 09.02.2026).
5. Reddit.com. Tractor troops. — URL: https://www.reddit.com/r/ukraine/comments/10j0mky/another_day_another_piece_of_russian_military/ (date of access: 04.02.2026).
6. UrbanDictionary.com. Putler. — URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Putler> (date of access: 13.02.2026).
7. UrbanDictionary.com. Rashists. — URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Rashists> (date of access: 13.02.2026).
8. Verini, J. In the Trenches of Ukraine’s Forever War // New York Times. — 2022. — URL: <https://www.nytimes.com/2022/01/16/magazine/ukraine-war.html> (date of access: 08.03.2026).
9. Zakaria, F. Biden’s international achievements are Trump’s opportunities: Can the incoming administration take full advantage of a set of weakened adversaries? // The Washington Post. — 2024. — URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/12/20/biden-foreign-policy-trump-opportunity/> (date of access: 10.02.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бедрань, В. В. Механизмы информационной войны США против Ирака в начале XXI в. / В. В. Бедрань // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. — 2012. — № 7(87). — С. 186–195. — EDN OZZCNP.
2. Гаврилов, Л. А. Язык массовой коммуникации и информационная война / Л. А. Гаврилов, Р. И. Заринов. — Москва : Ленанд, 2023. — 216 с. — ISBN 978-5-9710-6675-0. — EDN PMRIBA.
3. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. — Москва : ЮРАЙТ, 2000. — 344 с. — ISBN 5-88711-038-4. — EDN RNHSNV.

4. Карпович, О. Г. Практика проведения США операций информационной войны в сфере внешней политики / О. Г. Карпович // Национальная безопасность. — 2017. — № 3. — С. 112–125. — EDN XXICNP.

5. Кунакова, Л. Н. Информационная война как объект научного анализа (понятие и основные характеристики информационной войны) / Л. Н. Кунакова // Альманах современной науки и образования. — 2012. — № 6 (61). — С. 93–96. — EDN OZGEKF.

6. Михайлова, А. Г. Способы образования неологизмов военно-политических дискурсов / А. Г. Михайлова // Культура в фокусе научных парадигм. — 2023. — № 16. — С. 225–230. — EDN FWPALH.

7. Михайлова, А. Г. Средства эмоционального воздействия публицистического стиля современного английского языка / А. Г. Михайлова // Культура в фокусе научных парадигм. — 2022. — № 14–15. — С. 216–223. — EDN GOOBWC.

8. Назарова, Н. Е. Особенности паспортизации фразеологических неологизмов в военно-политическом дискурсе / Н. Е. Назарова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2023. — № 7 (875). — С. 86–93. — DOI 10.52070/2542-2197_2023_7_875_86. — EDN EMVRXY.

9. Палажченко, М. Ю. Эвфемизация военно-политической лексики как способ ведения информационной войны / М. Ю. Палажченко // Государственное управление. Электронный вестник. — 2017. — Вып. 61. — С. 45–58. — EDN YRHFNX.

10. Пасечная, Л. А. К проблеме дефиниции нового слова в современной лингвистике / Л. А. Пасечная, Т. В. Попова // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2005. — № 11(49). — С. 167–171. — EDN JVGXNH.

11. Пастухов, А. Г. Документация, оценка и классификация фациливативных реакций в медиа / А. Г. Пастухов // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. научных трудов (Орел, 1 апреля 2013 г.) / отв. ред. А. Г. Пастухов. — Орел : Орловский государственный институт искусств и культуры, 2013. — Т. 11. — С. 159–174. — EDN QKYYUH.

12. Почепцов, Г. Г. Информационные войны. Новый инструмент политики / Г. Г. Почепцов. — Москва : Алгоритм, 2015. — 255 с. — ISBN 978-5-4438-1027-0.

13. Романов, А. С. Вооруженные силы США в стереотипах американской периодики на примере метафорической модели «Military Service is Way / Road» / А. С. Романов, М. А. Ангалева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2019. — № 4. — С. 149–154. — EDN XOTFPW.

14. Романова, Т. В. Манипулятивные речевые технологии экстремистских текстов / Т. В. Романова // Respectus Philologicus. — 2008. — № 14. — С. 88–97. — EDN SMTWDF.

15. Сафонова, О. Ю. Неологизмы в военно-политическом дискурсе (на материале современных зарубежных СМИ) / О. Ю. Сафонова, Е. А. Цыцонков // E-Scio. — 2017. — № 10 (13). — С. 7–11. — EDN YMLDQI.

16. Синельникова, Л. Н. Информационная война ad infinitum: украинский вектор / Л. Н. Синельникова // Политическая лингвистика. — 2014. — № 2 (48). — С. 95–101. — EDN SNACGZ.

17. Nye, J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. S. Nye. — [S.l.] : Hachette, 2009. — 208 p. — ISBN 9780786738960.

MATERIALS

1. Al Taie, S. (2016). The 2003 War in Iraq. Purposes and Motivations — an analytical view. Available at Feb. 11, 2026 from https://www.researchgate.net/publication/304305299_The_2003_War_on_Iraq_Purposes_and_Motivations_An_Analytical_View.

2. Beachum, L. (2022). The ‘Ghost of Kyiv’ was never alive, Ukrainian air force says. *Washington Post*. Available at Feb. 11, 2026 from <https://www.washingtonpost.com/world/2022/05/01/ghost-of-kyiv-propaganda/>.

3. Chivers, C. J. (2024). Drones weapons Ukraine war. *The New York Times*. Available at Feb. 10, 2026 from <https://www.nytimes.com/2024/12/31/magazine/drones-weapons-ukraine-war.html>.

4. Latham, N. (2006). Saddam is the king of swing: bye-bye to butcher of Baghdad as diabolical dictator is hanged before dawn to delight of oppressed Iraqis. *New York Post*. Available at Feb. 9,

2026 from <https://nypost.com/2006/12/30/saddam-is-the-king-of-swing-bye-bye-to-butcher-of-baghdad-as-diabolical-dictator-is-hanged-before-dawn-to-delight-of-oppressed-iraqis/>.

5. Reddit.com (n.d.). Tractor troops. Available at Feb. 4, 2026 from https://www.reddit.com/r/ukraine/comments/10j0mky/another_day_another_piece_of_russian_military/.

6. UrbanDictionary.com (n.d.). Putler. Available at Feb. 13, 2026 from <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Putler>.

7. UrbanDictionary.com (n.d.). Rashists. Available at Feb. 13, 2026 from <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Rashists>.

8. Verini, J. (2022). In the Trenches of Ukraine’s Forever War. *New York Times*. Available at March 8, 2026 from <https://www.nytimes.com/2022/01/16/magazine/ukraine-war.html>.

9. Zakaria, F. (2024). Biden’s international achievements are Trump’s opportunities: Can the incoming administration take full advantage of a set of weakened adversaries? *The Washington Post*. Available at Feb. 2, 2026 from <https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/12/20/biden-foreign-policy-trump-opportunity/>.

REFERENCES

1. Bedran', V. V. (2012). Mekhanizmy informatsionnoy voyny SSHa protiv Iraka v nachale XXI v. = Mechanisms of the U.S. information warfare against Iraq in the early 21st century. *RSUH Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations. Foreign Regional Studies. Oriental Studies*, 7(87), 186–195. EDN OZZCNP.

2. Gavrilov, L. A., Zaripov, R. I. (2023). Yazyk massovoy kommunikatsii i informatsionnaya voyna = Language of mass communication and information warfare. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 278 p.

3. Dotsenko, E. L. (2000). Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita = Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms, and defenses. Moscow: YURAYT, 344 p. ISBN 5-88711-038-4. EDN RNHSNV.

4. Karpovich, O. G. (2017). Praktika provedeniya SSHa operatsiy informatsionnoy voyny v sfere vneshney politiki = U.S. practice of conducting information warfare operations in the sphere of foreign policy. *National security*, 3, 112–125.

5. Kunakova, L. N. (2012). Informatsionnaya voyna kak ob'ekt nauchnogo analiza (ponyatie i osnovnye kharakteristiki informatsionnoy voyny) = Information warfare as an object of scientific analysis (concept and main characteristics of information warfare). *Almanac of Modern Science and Education*, 6(61), 93–96.

6. Mikhaylova, A. G. (2023). Spособy obrazovaniya neologizmov voenno-politicheskikh diskursov = Methods of forming neologisms in military-political discourses. *Culture in the focus of scientific paradigms*, 16, 225–230. EDN FWPALH.

7. Mikhaylova, A. G. (2022). Sredstva ehmotsional'nogo vozdeystviya publitsisticheskogo stilya sovremennogo angliyskogo yazyka = Means of emotional impact in the journalistic style of modern English. *Culture in the focus of scientific paradigms*, 14–15, 216–223. EDN GOOBWC.

8. Nazarova, N. E. (2023). Osobennosti pasportizatsii frazeologicheskikh neologizmov v voenno-politicheskom diskurse = Features of the Certification of Phraseological Neologisms in Military-Political Discourse. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 7(875), 86–93. DOI 10.52070/2542-2197_2023_7_875_86. EDN EMVRXY.

9. Palazhchenko, M. Yu. (2017). Evfemizatsiya voenno-politicheskoy leksiki kak sposob vedeniya informatsionnoy voyny = Euphemization of military-political vocabulary as a method of conducting information warfare. *Public Administration. Electronic Bulletin*, 61, 45–58.

10. Pasechnaya, L. A., Popova, T. V. (2005). K probleme definitsii novogo slova v sovremennoy lingvistike = On the Problem of Defining a New Word in Modern Linguistics. *Bulletin of the Orenburg State University*, 11(49), 167–171. EDN JVGXNH.

11. Pastukhov, A. G. (2013). Dokumentatsiya, otsenka i klassifikatsiya fastsinativnykh reaktsiy v media = Documentation, Assessment, and Classification of Fascinating Reactions in the Media. *Genres and Types of Text in Scientific and Media Discourse. Interuniversity Collection of Scientific Papers (Orel, April 1, 2013, Ed. A. G. Pastukhov)*, 11, 159–174. Orel: Oryol State

Institute of Arts and Culture. EDN QKYYUH.

12. Pocheptsov, G. G. (2015). *Informatsionnye voyny. Novyy instrument politiki* = Information wars. A new instrument of politics. Moscow: Algoritm, 320 p.

13. Romanov, A. S., Angaleva, M. A. (2019). Vooruzhennyye sily SSHA v stereotipakh amerikanskoy periodiki na primere metaforicheskoy modeli «Military service is way/road» = U.S. Armed Forces in the stereotypes of American periodicals using the metaphorical model «Military service is way/road». *Modern Science: Current Theory and Practice. Series: Humanities*, 4, 149–154.

14. Romanova, T. V. (2008). Manipulyativnye rechevytekhologii ehkstremskikh tekstov = Manipulative Speech Technologies of Extremist Texts. *Respectus Philologicus*, 14, 88–97. EDN SMTWDF.

15. Safonova, O. Yu., Tsytsonkov, E. A. (2017). Neologizmy v voenno-politicheskom diskurse (na materiale sovremennykh zarubezhnykh SMI) = Neologisms in military-political discourse (based on modern foreign media). *E-Scio*, 10(13), 7–11. EDN YMLDQI.

16. Sinel'nikova, L. N. (2014). Informatsionnaya vojna: Ukrainskiy vektor. Teoriya politicheskoy lingvistiki = Information warfare: Ukrainian vector. *Political Linguistics*, 2(48), 95–101.

17. Nye, J. S. (2009). *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. [S.l.]: Hachette, 208 p. ISBN 9780786738960.